

АРСЕНИЙ
ФЕДОРИН

Курение вредит вашему здоровью. 18+

КУРСАНТЫ 2

*Апокалипсис — это просто
повод переехать на юг.*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Арсений Федорин

Курсанты 2

<https://litres.ru/74415637>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где кончился интернет, но остались зомби, есть две главные проблемы:

1. Где взять сигареты.
2. Что делать, если Толя прав.

Герои «Курсантов» пережили первые недели апокалипсиса и теперь живут у моря. У них есть дом, целый подвал виски и кошка с характером. Почти идиллия. Если не считать того, что запасы сигарет снова на исходе.

Поход за удочками оборачивается встречей с толпой заражённых, а вылазка в аптеку... В их уютном мире появляются странные пациенты из подвала, один из которых уверен, что с ним говорит демон по имени Толя, загадочная лодка, приплывающая сама собой, и новые вопросы, на которые нет готовых ответов.

Эта книга — о том, как сохранить чувство юмора, когда мир рушится. О том, как удержать любовь, когда вокруг только смерть. И о том, как правильно замариновать дорадо, если нет лимона, зато есть ананасы.

В конце главное не потерять чувство юмора и сигареты. Всё остальное можно пережить.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Приёмный покой.	6
Глава 2. Новые пациенты.	21
Глава 3. Экстрасенс с демоном.	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Курсанты 2

Пролог

Вы когда-нибудь задумывались, что самое страшное в зомби-апокалипсисе? Нет, не зомби. И не голод. И даже не отсутствие интернета. Самое страшное — это когда у тебя заканчиваются сигареты, а ближайший магазин разграблен, и тебе приходится ехать в чёртов торговый центр, где тебя уже ждут сорок голодных тварей, которые, судя по всему, тоже хотели бы покурить, но у них, к сожалению, нет лёгких.

Так началась наша вторая история. Первая книга «Курсанты» была про то, как два бывших студента МВД, вооружённых автоматами и чувством собственного превосходства, пытались не сдохнуть в первые недели апокалипсиса. Они выжили. Чудом. Просто потому что у них была тушёнка, везение и полное отсутствие страха перед последствиями. Теперь они живут у моря. У них есть дом, лодка, кошка с характером и целый подвал виски, оставленный предыдущими хозяевами. Всё хорошо. Почти идиллия. Если не считать того, что в этом мире всё ещё полно мёртвых людей, которые хотят их съесть, а запасы сигарет снова на исходе.

Эта книга — о том, как сохранить чувство юмора, когда мир вокруг рушится. О том, как удержать любовь, когда вокруг только смерть. И о том, как правильно замариновать до-

радо, если у тебя нет лимона, зато есть ананасы. И да, Толя по-прежнему всегда прав. Но мы всё равно попробуем ему не верить.

Спасибо что вернулся!

В конце, главное не потерять чувство юмора и сигареты. Все остальное можно пережить.

Серёга, "Курсанты 2"

Глава 1. Приёмный покой.

— Они придут. Придут за нами и спасут.

— Долбаный шизофреник. Тебя опять твой Толя напештал?

— Ага.

— Ты так уже неделю говоришь. Придут, придут. Кто придёт-то?

— Один — волосатый. Длинные волосы, в хвостик завязаны. Второй — с сигаретой постоянно. Придут.

— Как же ты уже достал. У нас жрать нечего, а ты с этим «придут». За что мне такой брат.

Он резко поменялся в лице.

— За что? — крикнул тот, и голос сорвался. — Я тебя вытащил с эвакуационной точки. На плечах тебя своих тащил. Не отца, не мать. Тебя.

— От них нечего было вытаскивать.

Оба замолчали. Тишина повисла в подвале — тяжёлая, липкая, как сырость на стенах. Только слышно было, как где-то за дверью скребутся. Монотонно. Бесконечно.

нежилеты — потёртые, с царапинами и въевшейся пылью. На рукавах всё ещё висела та самая нашивка: СКК. Серая, выцветшая, но читаемая. Серёга смотрел на неё иногда и усмехался про себя: «Служба Кошачьего Контроля», блядь, работает до сих пор. Сама кошка сидела на столе и смотрела на него с таким видом, будто он ей должен. Серёга почесал её за ухом. Она зажмурилась и начала мурлыкать на весь дом — нежно, с радостью, будто никакого конца света не было. На диване сидел Николай Евгеньевич с книгой в руках. Нашёл в доме — старую, с пожелтевшими страницами, пахнущую пылью и временем. Он читал медленно, водя пальцем по строчкам, как делают люди, которые привыкли к тишине. Вика и Ангелина стояли по другую сторону стола. Пили чай из больших керамических кружек. Пар поднимался вверх, смешиваясь с утренним солнцем, которое заливало кухню через панорамное окно.

— Доктор, как там Анька? — спросил Серёга, продолжая гладить кошку.

— Постепенно восстанавливается, — ответил Николай Евгеньевич, не отрываясь от книги. — Вчера уже выходила во двор.

— Мы видели, — усмехнулся Серёга. — Она там в море плескалась. Это называется «постепенно»? По-моему, уже почти здорова.

— Море лечит, — сказал врач. — И тепло.

— Тоже верно.

Вика подняла глаза на Серёгу и Макса. Взгляд у неё был спокойный, но в нём пряталось что-то: может, тревога, может, просто усталость от того, что они снова собираются уходить.

— Ну зачем вы опять поехали? — спросила она. — Еда есть. Вода есть. Зачем вам в город?

Серёга вздохнул и посмотрел на неё с виноватой улыбкой.

— За сигаретами.

— Что?

— Сигарет нет, — повторил он. — Вообще ноль. Пустота. Конец эпохи.

— Не переживай, — добавил Макс спокойно. — Мы буквально пару магазинов проедем. Тихо, быстро, без приключений.

— Ты каждый раз так говоришь, — сказала Ангелина, делая глоток чая.

— И каждый раз возвращаемся, — пожал плечами Макс.

Николай Евгеньевич поднял глаза от книги.

— Никотиновая зависимость — страшная вещь, — сказал он ровно, без осуждения. — Организм требует своего, даже когда мир рушится.

— Доктор, не начинай, — усмехнулся Серёга. — Должны же быть у жизни хоть какие-то плюсы? Ну, кроме моря, дома и кошки.

Николай Евгеньевич не ответил. Просто опустил глаза обратно в книгу и продолжил читать. Тишина на кухне ста-

ла мягкой, уютной — как будто ничего не происходило за этими стенами. Серёга с Максом переглянулись. Молча, без лишних слов. Потом взяли два автомата, стоявших около стола. Передёрнули затворы. Металл щёлкнул сухо и привычно. Серёга на секунду задержался у двери, обернулся и посмотрел на Вику.

— Айл би бэк, детка, — сказал он с улыбкой. — Через час будем.

Вика ничего не ответила. Только сжала кружку чуть крепче.

2

Они вышли из дома. Дверь за ними закрылась мягко, почти беззвучно. Кошка спрыгнула со стола и подошла к окну. Села на подоконник и начала смотреть на улицу, будто ждала их возвращения. На кухне стало тихо. На улице в лицо ударил приятный летний воздух — тёплый, солёный, пахнущий морем и нагретым камнем. Такой воздух бывает только на юге, когда утро уже перевалило за середину, а солнце стоит высоко и не жжёт, а ласкает. Серёга достал из кармана ключи от Mercedes. Нажал на кнопку. Замки щёлкнули — коротко, привычно. Машина стояла во дворе, белая, с логотипом клиники на боку, который уже начал выцветать на солнце. Несмотря на все приключения, она выглядела почти новой. Макс тем временем открывал ворота. Металл не скрипнул

— они уже смазали петли на прошлой неделе. Теперь ворота открывались бесшумно, как и положено в приличном доме. Серёга сел за руль. Повернул ключ. Двигатель завёлся мягко, почти беззвучно — ровный, уверенный гул, который стал для них таким же привычным, как дыхание. Он опустил стекло, высунул голову и крикнул:

— Максончик! Бензина мало. Надо бы на заправку заехать.

Макс закрыл ворота и подошёл к машине.

— У нас дома семь канистр по двадцать литров. Куда ещё?

— Это НЗ, — серьёзно сказал Серёга. — Неприкосновенный запас. Его не трогаем.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Это как золото. Только жидкое и вонючее.

Макс усмехнулся и открыл дверь, но не сел — задержался на секунду, опираясь рукой о крышу.

— Ладно, — сказал он. — Заедем куда-нибудь. Только быстро.

— Всегда быстро, — ответил Серёга.

Он достал из кармана пачку. В ней лежали две последние сигареты. Золото в мире апокалипсиса. Он вытащил одну, зажал между губ, щёлкнул зажигалкой. Дым пошёл в небо — тонкий, серый, растворяющийся в голубизне. Макс сел на пассажирское сиденье и захлопнул дверь. Посмотрел на Серёгу.

— Ещё есть?

Серёга протянул ему пачку. Там лежала последняя сигарета — одинокая, чуть помятая. Макс посмотрел на неё, потом на Серёгу. И вернул пачку обратно.

— Последнюю даже на зоне берут.

— Вот именно, — кивнул Серёга. — Уважаю.

Он убрал пачку в карман, стряхнул пепел в окно и нажал на газ. Mercedes медленно покатился вперёд.

3

Город встретил их тишиной. Редкие заражённые бродили по тротуарам — медленно, бесцельно. Они уже не обращали на них внимания. Просто объезжали, как старые столбы. За окнами тянулись пустые улицы, закрытые магазины, вывески, которые когда-то были яркими, а теперь выцвели на солнце. Где-то вдалеке крикнула чайка — и снова стало тихо. Серёга ехал одной рукой, другой достал из пепельницы недокуренный бычок, посмотрел на него с сожалением, и выбросил в окно.

— Всё, — сказал он. — Если на этой заправке не будет сигарет, я начну курить чай.

— Это опасно для здоровья, — спокойно ответил Макс.

— В этом мире всё опасно для здоровья.

Они замолчали. Машина катилась по пустой дороге, и только ветер шевелил волосы в открытом окне.

Заправка показалась из-за поворота — старая, с облупившейся вывеской и пустыми колонками. Три машины стояли криво, с открытыми дверями. Окна магазинчика были разбиты, но вывеска «КАФЕ • МАГАЗИН» ещё держалась на одном гвозде. Серёга припарковал Mercedes так, чтобы можно было быстро уехать.

— Пять минут, — сказал он. — Ты к колонкам, я в магазин.

— Если там кто-то есть — не геройствуй, — ответил Макс.

— Я всегда геройствую. Это мой стиль.

Они вышли почти одновременно. Макс открыл багажник, достал две пустые канистры и подошёл к колонкам. Запах бензина ударил в нос — резкий, знакомый. Он машинально потянулся к пистолету, но тут же усмехнулся. Бесполезно. Электричества не было уже несколько месяцев, дисплей на колонке давно погас, а насос без питания был всего лишь куском металла. Макс обошёл колонку и направился к техническому люку. Рядом с ним, в бетонном приямке, проходила толстая труба, ведущая к резервуарам. Он достал из рюкзака ручной насос и короткий шланг.

— Ну давай, — пробормотал он.

Закрепив шланг, Макс несколько раз качнул рукоятку. Сначала ничего не произошло. Потом внутри трубы глухо

хлюпнуло, и в канистру тонкой струёй потёк бензин. Он поставил вторую канистру рядом и продолжил качать. Руки быстро устали, но бензин всё-таки шёл. Никакой автоматики, никаких цифр на табло, никаких щелчков счётчика. Только мерное движение рукоятки, запах топлива и пустая, мёртвая заправка вокруг.

Серёга перешагнул через разбитое стекло и оказался внутри. Магазин был разгромлен. Полки пустые, холодильник открыт, внутри только плесень. Но за кассой стояла картонная коробка — запечатанная, с надписью «CAMEL». Серёга открыл её. Там лежали блоки сигарет. Шесть штук. Он присвистнул.

— Ахуеть, — сказал он вслух. — Мир не рухнул полностью.

Он взял три блока, закинул в рюкзак. Потом увидел ещё один блок за стойкой — в пыли, но целый. Взял и его. Выходил он уже с чувством выполненного долга. Но в дверях остановился. Со стороны дороги, через парковку, к ним шли заражённые. Сначала двое. Потом ещё трое. И ещё. Всего человек десять. Они двигались медленно, но уверенно — туда, где стоял Mercedes, где у шланга возился Макс.

— Макс! — крикнул Серёга. — Торопись!

Макс обернулся. Он уже заправил одну канистру и начал вторую. Бензин булькал, но слишком медленно.

— Сейчас! — крикнул он.

Серёга выбежал из магазина, автомат наготове. Заражён-

ные были уже в тридцати метрах. Макс закрутил вторую канистру и поставил её рядом с багажником. Первую уже закинул внутрь.

— Готово!

— Залезай! — крикнул Серёга.

Но в этот момент один из заражённых отделился от толпы и побежал. Быстрее, чем остальные. Макс уже был у машины, открывал дверь. Серёга поднял автомат. Короткая очередь. Три пули. Первая — мимо. Вторая — в плечо. Третья — в голову. Заражённый рухнул на асфальт. Тело дёрнулось и замерло. Серёга замер на секунду. Потом улыбнулся. Не широко. Не со злом. А как-то... довольно.

— Красиво, — сказал он тихо, сам себе.

Макс уже сидел в машине и смотрел на него через открытое окно.

— Серёга! Залезай!

— Видел?

— Чего?

— Как я его четко. В голову. С первой очереди.

— Да залезай ты, ёбанный...

Серёга прыгнул в машину, захлопнул дверь. Двигатель уже работал. Он включил передачу и нажал на газ. Mercedes рванул с места. Заражённые остались позади. Один из них попытался схватиться за бампер, но отстал. В машине стало тихо. Серёга смотрел на дорогу. Улыбка всё ещё не сходила с его лица.

— Чистая работа, — сказал он. — Прямо в голову.

Макс молчал.

— Ты чего молчишь? — спросил Серёга.

— Ты радовался, — сказал Макс.

— Чего?

— Ты радовался. Когда уложил его.

Серёга хмыкнул.

— Ну, может, чуть-чуть. Приятно же, когда не мажешь.

— Это были люди, Серёг.

— Были, — кивнул Серёга. — А теперь — нет.

Он сделал паузу.

— Ты видел, как он бежал? Быстро. Спортсмен ебанный...

Я бы мог не попасть. Но попал.

Макс не ответил. Он смотрел в окно. Серёга продолжал улыбаться.

— Что там у нас с канистрами? Две? — спросил он.

— Одна, — сказал Макс.

— Чего?

— Я одну забыл. У колонок. Прямо рядом с тем телом.

Серёга на секунду замолчал. Потом рассмеялся, но странно, с каким-то облегчением.

— Одна канистра, — повторил он. — Двадцать литров. Пиздец.

— Что?

— Ничего. Просто хорошо, что ты хоть что-то забываешь. А то я уже начал думать, что ты — идеальный.

Макс посмотрел на него.

— Ты серьёзно сейчас?

— Абсолютно, — сказал Серёга, и улыбнулся снова, но уже без удовольствия. Обычной, своей улыбкой. — Сигареты есть, бензина чуть меньше, чем планировали, и я убил заражённого с первого раза. Идеальное утро.

Он постучал по рулю пальцами, включая поворотник.

— Поехали домой. Там кошка ждёт.

Ехали они молча. Пару раз останавливались. Забегали в местные магазины — брали консервы, крупы, пару бутылок воды. Запасы стали кончаться даже в магазинах. Пустые полки, разбитые витрины, мусор на полу. Город выедали до костей. Почти весь город они уже объехали. И ни разу не встретили ни одного живого человека. Только эти... мёртвые. Серёга уже вовсю курил новые сигареты. Был доволен. Он выполнил то, зачем ехал. Можно отдыхать дальше. Он даже включил радио — оно шипело, но звук создавал иллюзию нормальности.

Вдруг на глаза ему попался подвал около одной двухэтажки. Обычный подвал. Серая дверь, облупившаяся краска, ступеньки вниз. Но необычно много там было заражённых. Обычно они ходят парами. Ну, может, тройками. Редко бывает, когда на улице в одном месте собирается толпа из десяти человек. Серёга чуть замедлил скорость.

— Гляди, — он ткнул пальцем в лобовое стекло. — Чё их так много?

Макс посмотрел на толпу возле подвала. Кивнул.

— Согласен. Странно.

— Помнишь, как тогда было?

— Когда?

— Когда мы из хаты Вики бежали. Их тоже дохрена было.

Может, там кто-то есть?

— Ты серьёзно? — Макс повернулся к нему. — Ты хочешь проверить?

— А почему бы и нет? — улыбнулся Серёга, затягиваясь сигаретой.

— И как? — спросил Макс. — Как мы их уберём?

Серёга остановил машину. Взял автомат. Проверил патроны. 27.

— Ты хочешь пострелять? — спросил Макс. — Или людей спасти?

— Тебе честно сказать?

— Да.

— И то, и другое, — сказал Серёга. — Но пострелять — больше.

— Идиот, — устало сказал Макс.

— Ну а чё? — Серёга пожал плечами. — Чё им терять? Они и так мёртвые. Давай избавим их от этой ноши. Патронов у нас много. Мы столько набрали — куда девать-то?

— А если другие прибегут?

— Так мы это... аккуратно, — продолжал улыбаться Серёга. — Из машинки.

Макс посмотрел на него долгим взглядом. Потом перевёл глаза на толпу у подвала. Вздыхнул.

— Делай что хочешь.

Серёга улыбнулся шире. Он опустил стекло, высунул ствол автомата и нажал на спуск. Первый выстрел прозвучал громко, сухо. Один из заражённых дёрнулся и упал. Второй — следом. Серёга стрелял не целясь, почти не глядя. Он знал, что попадать не обязательно — главное, шум.

— Эй, вы! — крикнул он в сторону подвала. — Есть кто живой?!

Тишина. Только выстрелы и хрипы. Заражённые начали поворачиваться. Они двигались медленно, но уже шли на звук. Серёга выстрелил ещё раз. Ещё. Очередь. Двое упали.

— Вылезайте! — крикнул он. — Мы поможем!

Из подвала никто не вышел. Заражённых становилось больше — они выползали из-за углов, из-за машин. Десять, пятнадцать, двадцать.

— Серёга, — сказал Макс. — Их слишком много.

— Спокойно, — ответил Серёга и снова нажал на спуск.

Очередь — и ещё один упал. Серёга стрелял быстро, с какой-то жестокой радостью. Улыбка не сходила с его лица. Он менял позиции, перезаряжался, стрелял снова. Магазин опустел быстро — 27 патронов ушли за какие-то минуты. Тела падали. В воздухе стоял запах пороха. Где-то вдалеке слышались крики — другие заражённые начали стягиваться на звук. Серёга отбросил пустой автомат. Осталось трое. Они

шли медленно, спотыкаясь о тела, с пустыми глазами и протянутыми вперёд руками. До машины оставалось метров десять. Макс смотрел на них, потом на Серёгу.

— Всё, — сказал он. — Поехали.

Но Серёга уже открывал дверь. Он вышел из машины. Достал пистолет. Старый ПМ, с царапинами на затворе. Проверил магазин. Восемь патронов. Макс выругался сквозь зубы и распахнул свою дверь. Он выскочил следом, с пистолетом в руке, готовый прикрывать. Но стрелять не пришлось. Первый заражённый рухнул от выстрела Серёги. Второй — следом. Третий остановился, будто что-то почувствовал. Серёга подошёл к нему вплотную, выстрелил в упор. Тело упало у его ног. Тишина. Серёга стоял над тремя телами. Потом опустил пистолет, убрал его в кобуру и достал сигареты. Закурил. Выдохнул дым в чистое южное небо. Макс замер в нескольких шагах от него. Пистолет всё ещё был в руке. Он смотрел на Серёгу — на его спину, на плечи, на то, как спокойно он стоял среди мёртвых тел.

— Ты... — начал Макс.

— Чего? — обернулся Серёга.

— Ты вышел.

— Ну.

— Зачем?

Серёга затянулся, выдохнул.

— Они уже почти у машины были. Не хотел, чтобы царапали.

Макс не ответил. Он смотрел на улыбку Серёги. Спокойную. Довольную. Как у человека, который только что сделал что-то приятное для себя. Серёга кивнул в сторону подвала.

— Ну чё? Пойдём проверим? Ради этого и останавливались.

Он стряхнул пепел, сделал ещё одну затяжку и пошёл к серой двери подвала. Макс смотрел ему вслед. Потом убрал пистолет, глубоко выдохнул и пошёл за ним. Тела остались лежать на асфальте. Сигарета в руке Серёги тлела ровно и спокойно.

Глава 2. Новые пациенты.

В подвале было темно. Свечи почти догорели — жёлтые язычки пламени дрожали, отбрасывая длинные тени на бетонные стены. Ещё немного, и они погрузятся в полную темноту. Саша сидел на старом матрасе, привалившись спиной к сырой стене. Костя лежал рядом, глядя в потолок. Тишина была тяжёлой, как бетонная плита. Где-то за дверью скреблись — мерно, монотонно, бесконечно.

— Сань, дай попить, — сказал Костя, не поворачивая головы.

Саша молча кинул ему бутылку. Пластик глухо стукнул о матрас. Костя поймал её, приподнялся на локте и сделал глоток. Он посмотрел на неё, потом на брата. И кинул обратно. Саша поймал, поставил рядом. Воды оставалось на два глотка. Может, на три.

— Кость, — сказал он тихо. — Надо выходить. Еды нет, воды тоже.

Костя усмехнулся — горько, без смеха.

— Куда выходить? Они под дверью стоят. Скребутся. Выйдем — и мы трупы.

— Тут мы тоже трупы, — ответил Саша. Голос сорвался. — Какие варианты?

— Ждать. Они придут.

— Кто они, блядь? — Саша резко сел. — Как же ты заебал со своим Толей! Никто не придёт! Никто! Мы сдохнем здесь, в этом вонючем подвале, и никто не узнает!

Он замолчал. Только дыхание. Потом Саша встал. Ноги дрожали — от голода, от слабости, от злости.

— Пойду лучше сдохну, — сказал он и направился к двери.

— Саня, стой...

Но Саша уже шёл. Он взялся за ржавую ручку. Пальцы скользнули по холодному металлу. И в этот момент за дверью грохнули выстрелы. Очередь. Короткая. Ещё одна. И ещё. Саша отдёргнул руку, отшатнулся назад, вжался в стену. Сердце колотилось где-то в горле. За дверью заражённые зарычали, заскребили сильнее — и вдруг стихли. Только выстрелы. Много. Слишком много. Саша сел на корточки и попытался обратно к матрасу. Костя смотрел на него широко открытыми глазами.

— Ну вот, — сказал Костя. — Пришли. Не зря Толик шептал.

Саша ничего не ответил. Он просто сел рядом с братом, вжавшись в стену. Руки тряслись. Зубы сжаты. Выстрелы продолжались. Кто-то стрелял быстро и точно. Очередь сменяла очередь. Заражённые рычали, падали, но новые шли им на смену. А потом — тишина. Секундная. И три выстрела. Последних. Коротких, сухих. Всё стихло. Братья сидели на матрасе и не дышали. Только слышно было, как где-то в гру-

ди колотится сердце. Дверь дёрнули. Металл скрипнул, но не поддался. За ней послышался голос:

— Серёга, пошли. Закрыто.

Потом другой голос — спокойный, чуть хриплый:

— Да подожди ты.

И прогремел выстрел. Замок хрустнул, дверь отлетела в сторону и с грохотом ударилась о бетонную стену. Свет из коридора залил подвал. В проёме стояли двое. Один — с длинными волосами, собранными в хвост. Пистолет опущен, но готов. Второй — с сигаретой в зубах. На бронежилете — свежие тёмные пятна. Кровь ещё не засохла.

— Ну здравствуйте, — сказал Серёга, щурясь от света. — Как вы тут? Не обделались?

Братья смотрели на них. На одного — спокойно. На второго — со страхом. Потому что первый был человеком. А второй — улыбался. И от этой улыбки по спине бежал холод. Макс шагнул вперёд, присел на корточки и посмотрел на братьев. Взгляд у него был усталым, но внимательным.

— Есть живые? — спросил он.

Саша сглотнул. Голос не слушался.

— Есть... — выдавил он. — Мы есть.

Серёга затянулся, выдохнул дым в сторону и улыбнулся шире.

— Ну и отлично. А то мы тут весь двор завалили и всё ради вас.

Он стряхнул пепел и кивнул в сторону выхода.

— Пошли. Тут небезопасно. Точнее, везде небезопасно.

Он развернулся и пошёл к выходу. Макс задержался на секунду, протянул руку Саше и помог ему подняться.

— Давай. Мы поможем.

Саша посмотрел на его руку, потом на брата. Костя медленно поднялся сам, опираясь о стену.

— Ты... — начал Саша, глядя на Макса. — Ты тот самый волосатый.

Макс усмехнулся.

— Наверное.

Саша перевёл взгляд на дверь, где стоял Серёга с сигаретой. Тот уже затягивался новой.

— А он... — Саша запнулся. — Он всегда такой?

Макс посмотрел на Серёгу. На его бронежилет. На его улыбку.

— Нет, — тихо сказал Макс. — Не всегда.

И они вышли из подвала. Братья оказались на воздухе. Костя закашлял — резко, с хрипом. Лёгкие привыкли к сырости, к запаху плесени и бетона, а тут ударила свежесть. Солёный ветер с моря, нагретый асфальт, свет, который резал глаза после недель в темноте. Саша не кашлял. Он смотрел на поле битвы возле подвала. Заражённые лежали везде. Одни — у двери, другие — на парковке, третьи — в лужах собственной крови, которая уже начала темнеть на солнце. У всех — простреленные головы. Метко. Чисто. Без лишних движений. Саша перевёл взгляд на Серёгу. Тот стоял по-

среди этого хаоса, запрокинув голову к небу. Курил. Молча. Дым уходил вверх, растворялся в голубизне. Он выглядел так, будто только что не убивал два десятка существ, а вышел на перекур после скучной работы.

— Ну как вы? — спросил Серёга, не поворачивая головы.
— Кислород в голову не ударил?

Братья не ответили. У них не было сил. Костя сделал шаг, второй — и вдруг зашатался. Тело перестало слушаться. Ноги подогнулись, и он уже падал, но Макс подхватил его сзади — сильно, уверенно, как будто знал, что это произойдёт.

— Ты как? Нормально? — спросил Макс.

— Да... — выдавил Костя. — Нормально...

— Это всё кислород, — сказал Серёга, стряхнул пепел и направился к машине. — Организм не привык к такому количеству жизни.

Он открыл дверь, сел за руль и уже оттуда крикнул:
— Загружайте наших пациентов.

Макс вёл Костю под руку. Саша шёл сам, но шатался. Он смотрел по сторонам — на тела, на разбитые стёкла, на пустые окна домов. Всё это было знакомо, но теперь выглядело иначе. Как будто мир стал чужим. Макс довёл Костю до задней двери Mercedes, открыл её и усадил на медицинскую кушетку.

— Полежи пока, — сказал Макс. — Едем до дома. Там врач.

Костя послушно лёг. Глаза уже закрывались. Саша сел ря-

дом, на сиденье, и обхватил колени руками. Кожа под ногтями была грязной. Он опустил голову. Серёга завёл двигатель. Mercedes мягко ожил. Макс уже открыл переднюю дверь, хотел сесть на пассажирское, но Серёга вдруг повернулся к нему и сказал тихо, почти на ухо:

— Максончик, посиди с ними. Ну, вдруг что. Там и патроны, и бензин. На всякий.

Макс посмотрел на него. Несколько секунд молчал. Потом кивнул.

— Хорошо.

Он закрыл переднюю дверь, обошёл машину и сел сзади, рядом с Сашей. Захлопнул дверь. Серёга посмотрел в зеркало заднего вида, усмехнулся и включил передачу.

— Поехали.

1

Поездка до дома составила минут пятнадцать, не больше. Mercedes мягко катился по пустым улицам, объезжая брошенные машины и редкие тела на асфальте. В салоне было тихо. Костя лежал на медицинской кушетке, прикрыв глаза. Саша сидел рядом, сжимая колени руками. Макс поглядывал на них, но молчал. Серёга вёл машину, иногда поглядывая в зеркало заднего вида. Когда впереди показались знакомые ворота, Макс потянулся к ручке двери — хотел выйти первым, открыть.

— Сиди, — сказал Серёга, останавливая его рукой. — Сам ворота открою.

Он вышел, отворил створки, потом залез обратно и закатился на территорию. Двигатель заглох — и сразу стало слышно море. В дверях дома показались Вика и Ангелина. Обе в лёгких летних платьях, босиком — только что вышли на воздух. Увидели машину, переглянулись. Серёга вылез первым, хлопнул дверью и крикнул:

— Доктора позовите. У нас тут новые пациенты.

— В смысле? — не поняла Вика.

— В прямом.

Задняя дверь Mercedes открылась. Из неё вышел Макс, ведя под руку Костю — тот шатался, держался за плечо Макса. Саша вышел сам, но бледный, как снег. Грязный, худой, в чужой одежде, которая висела на нём мешком.

— Охренеть, — сказала Ангелина. — За сигаретами поехали.

И убежала в дом. Из двери почти вылетел Николай Евгеньевич. Слишком быстро для его возраста. Слишком резко. Он остановился на крыльце, окинул братьев быстрым взглядом — и поморщился от запаха, который шёл от них. Тяжёлый, кислый, въевшийся в кожу.

— Заводите, — коротко сказал доктор.

Братья переступили порог. Внутри пахло чистотой, морем и чем-то тёплым. Костя остановился на мгновение, вдыхая этот запах, как воду после долгой жажды.

— Доктор, — сказал Серёга, заходя следом. — Осмотрите их. Вдруг что.

Николай Евгеньевич кивнул.

— Пойдёмте в душ, — сказал он братьям. — Я вас там осмотрю. И помоетесь.

Костя поднял на него глаза — усталые, с красными прожилками.

— А есть... — начал он.

— Успеете, — усмехнулся Серёга, перебивая его.

И проводил компанию до душа. Николай Евгеньевич провёл их в ванную комнату на первом этаже. Большая, с белой плиткой и зеркалом во всю стену. Свет горел ровно, без мерцания. В углу стояла старая чугунная ванна, рядом — душевая кабина с прозрачными стенками. Пахло хлоркой и чистотой — так пахнут помещения, которые регулярно моют.

— Раздевайтесь, — сказал врач спокойно, закрывая за собой дверь.

Костя и Саша переглянулись. Оба замерли. Стояли в грязной одежде, воняющей потом и сыростью, и не двигались.

— Ну, — раздалось за дверью. Голос Серёги, приглушённый деревом. — Доктор сказал — раздевайтесь. Я тоже раздевался, ничего, выжил.

Шаги удалились. Костя начал первым. Стянул рваную кофту через голову — ткань закрипела, прилипла к телу. Под ней — тело, которое давно не видело воды. Кожа была сероватой, в грязи, с тёмными разводами въевшейся пыли.

От одежды пошёл резкий, кислый запах — пота, мочи и сырости, впитавшийся в ткань за недели в подвале. Запах ударил в нос, смешался с хлоркой, и стал ещё более отвратительным. Саша раздевался медленнее. Руки дрожали. Пуговицы не слушались. Он сорвал последнюю и уронил рубашку на пол. Та мягко шлёпнулась о кафель, оставляя на белой плитке тёмное влажное пятно. Они остались в нижнем белье. Грязном, давно не стиранном.

— Всё снимайте, — сказал Николай Евгеньевич, и в его голосе не было ни осуждения, ни брезгливости. Только спокойная профессиональная констатация. Костя снял и это. Саша — следом.

Они стояли голые перед врачом. Бледные, худые, с выступающими рёбрами. Тазовые кости выделялись под тонкой кожей. Мышцы атрофировались за время голода. Саша был бледнее брата, почти прозрачный — кожа на груди просвечивала синевой вен.

— Стойте прямо, — сказал врач и шагнул ближе.

Он начал осмотр. Не спеша. Внимательно. Медицинским взглядом, который видит не человека, а организм. Сначала — кожа. Он провёл ладонями по плечам, груди, спине. Пальцы скользили по телу, ощупывали каждый сантиметр. Кожа была шершавой, сухой, с мелким шелушением — результат долгого обезвоживания. На спине у Кости — красные пятна, следы долгого лежания на сыром матрасе, пролежни, начинающие воспаляться. У Саши — мелкие прыщи, воспалён-

ные поры, которые забились грязью. Врач надавил на один — из поры выступила белая капля с неприятным запахом.

— Долго не мылись, — сказал он скорее себе, чем им.

Он провёл пальцами по их рукам — от кистей до плеч, ощупывая мышцы, суставы. У Кости руки были сильнее, но он вздрогнул, когда врач надавил на локоть.

— Болит?

— Немного, — ответил Костя.

— Растяжение. Заживёт.

Врач перешёл к ногам. Осмотрел стопы — у обоих были мозоли, потрескавшаяся кожа между пальцами, грязь въелась глубоко в трещины. Он провёл пальцем по подошве Саши, тот дёрнулся.

— Грибок, — сказал врач, разглядывая шелушащуюся кожу. — Лечится. Есть мазь.

Дальше — голова. Он откинул волосы, осмотрел кожу головы. У Кости — следы укусов насекомых, мелкие расчёсы. У Саши — гнойники в волосах, воспалённые фолликулы.

— Вши, — спокойно сказал врач. — Помоешься — уйдёт. И гнойники пройдут.

Он провёл пальцами по лицам — осмотрел глаза, веки, слизистую. Глаза были красными от недосыпа, с жёлтоватым оттенком белков, но зрачки реагировали на свет ровно, без задержки.

— Откройте рот, — сказал он, беря маленький фонарик. Оба открыли. Николай Евгеньевич осветил горло — тёп-

лый жёлтый свет скользнул по языку, нёбу, миндалинам. Никаких язв, пятен, налёта на слизистой. Только язык — обложен беловатым налётом, густым, как творог.

— Где укусы? — спросил врач, откладывая фонарик.

Костя показал на ногу — выше колена, старый шрам, заживший. Рубчик светлый, края ровные.

— Это давно?

— Ещё в городе, — ответил Костя. — До того, как все началось.

— Кто укусил? — врач нахмурился.

— Собака, наверное. Или... не знаю.

Врач кивнул, но не успокоился. Провёл пальцем по шраму — кожа сухая, чистая. Без признаков воспаления.

— У тебя? — спросил он Сашу.

Саша покачал головой.

— Не было. Никто не кусал.

Врач вернулся к осмотру. Он снова провёл руками по их телам — медленно, методично. Каждый сантиметр. Подмышки, пах, живот, спина. Искал ранки, царапины, следы зубов, хоть что-то, что могло бы свидетельствовать о заражении. Ничего. Кожа была грязной, воспалённой, с прыщами и гнойниками, но неповреждённой. Никаких укусов. Никаких прокусов. Никаких свежих следов зубов. Николай Евгеньевич выпрямился. Снял очки и протёр их.

— Чистые, — сказал он. — Ни укусов, ни заражения. Обезвоживание, истощение, кожные инфекции. Но это ле-

чится.

Костя медленно выдохнул. Саша закрыл глаза на секунду.

— Можете мыться, — сказал Николай Евгеньевич, пряча фонарик в карман халата. — Вода горячая. Мочалка и мыло на полке. После — чистое бельё. Я принесу.

Он повернулся и вышел, оставив братьев одних. Костя подошёл к душевой кабине, открыл дверцу. Запахло влагой и старым мылом. Он повернул ручку — и вода зашумела резко, громко, пар пошёл вверх. Костя замер на мгновение, глядя на струи, потом шагнул внутрь и закрыл за собой дверцу. Саша стоял неподвижно. Смотрел на воду.

— Саш, — сказал Костя из-за стекла, запотевающего от пара. — Иди.

Саша не двигался.

— Иди, говорю.

Саша медленно подошёл к душевой кабине. Открыл дверцу. Пар ударил в лицо — горячий, влажный. Он зашёл следом. Вода потекла по их телам, смывая грязь. Коричневые ручьи стекали в слив. Кожа под струёй начала краснеть — к ней возвращалось тепло, кровь прилиwała к поверхности. Грязь вымывалась из пор, из трещин, из-под ногтей. Саша стоял под струёй, закрыв глаза, и чувствовал, как вода смывает с него недели. Недели страха, голода, темноты. Недели, которые он провёл в сыром подвале, слушая, как скребутся за дверью. Костя тёр мочалкой спину. Кожа краснела, но грязь отходила — серыми, грязными хлопьями.

— Саш, — сказал он. — Мы выжили.

Саша не ответил. Только стоял под струей и позволял воде течь по лицу, по груди, по животу. Вода смешивалась со слезами — или это просто вода.

Врач вернулся через пятнадцать минут. Принёс две пары чистого белья, полотенца и мазь для кожи в тубике. Братья уже вышли. Стояли у раковины, мокрые, похудевшие, но чистые. Кожа покраснела от горячей воды, но уже не была серой. Прыщи на спине стали заметнее на чистой коже — воспалённые, красные, но теперь видно было, что это просто воспаление, а не въевшаяся грязь. Вода капала с волос, оставляя на кафеле мокрые следы. Николай Евгеньевич протянул им бельё.

— Одевайтесь, — сказал он.

Они оделись молча. Чистая ткань коснулась кожи, и оба вздрогнули — непривычно, почти больно. Ткань пахла стиральным порошком, сухостью и домом.

— На кухне вас ждут, — сказал врач. — Есть хотите?

Костя поднял глаза. В них стояли слёзы, но он не плакал — просто смотрел.

— Да, — сказал он. — Очень.

Врач кивнул и вышел. Братья переглянулись. Саша посмотрел на свои руки. Чистые. Кожа белая, с розовыми пятнами там, где грязь въелась глубже всего.

— Саш, — сказал Костя. — Мы выжили.

Саша поднял голову. Посмотрел на брата. Потом на свои

руки.

— Толя не врал, — тихо сказал он.

Они вышли из ванной и пошли на кухню, оставляя за собой мокрые следы на чистом полу.

2

На кухне их ждали две тарелки супа. Пар поднимался над тарелками, смешиваясь с запахом моря, которое врывается в открытое окно. Вика поставила ложки рядом с тарелками и отошла к столу, опершись на него руками. Макс уже переоделся. Сидел на стуле, откинувшись на спинку — только в одних шортах, с голым торсом. Тело блестело от влаги после душа. Накачанный верх, широкие плечи, сухая кожа, обтягивающая мышцы. Шесть кубиков пресса выделялись отчётливо, особенно когда он потянулся за кружкой с водой. Не напряжённо, не демонстративно — просто сидел, отдыхал после дороги.

— Садитесь, кушайте, — сказала Вика, пододвигая тарелки ближе.

Братья сели. Костя взял ложку — рука дрожала. Он зачерпнул бульон, поднёс ко рту, обжёгся, но не остановился. Глотал жадно, обжигая горло. Саша — следом. Он не жевал, не пробовал, просто отправлял в себя еду, как будто боялся, что её отнимут. Суп тек по подбородку, капал на стол, но он не замечал. Только ложка стучала о дно тарелки — быстро,

нервно, почти агрессивно. Серёга спустился с лестницы, когда они уже доедали. Он шёл медленно, аккуратно — на руках у него была Аня. Она обнимала его за шею, прижавшись к плечу. В зубах у Серёги дымила сигарета. У Ани — вторая, почти докуренная.

— Аня, ты опять куришь? — возмутился Николай Евгеньевич, поднимая глаза от книги.

— Пап, не начинай, — сказала она с улыбкой и выпустила дым в сторону открытого окна.

Серёга спустил её с лестницы, поставил на пол, но не отпустил — держал под руку, пока она не нашла опору. Нога всё ещё болела, но она уже могла стоять без чужой помощи.

— Ну, Анька, знакомься, — сказал Серёга, кивая в сторону стола. — Это у нас...

— Костя, — сказал один из братьев, не поднимая головы от тарелки. Голос был глухой, с хрипом.

— Саша, — сказал второй, чуть тише. Он наконец оторвался от еды и поднял глаза на Аню.

— Ну вот и познакомились, — закончил Серёга.

Он затянулся сигаретой, выпустил дым и посмотрел на братьев.

— Ешьте, ешьте. На ужин будет котлеты. Из банки, но вкусные.

Костя замер на секунду. Поднял голову. Посмотрел на Серёгу, потом на Макса, потом на Вику, на Аню, на врача. Все они были здесь. Живые. Чистые. Смотрели на них без стра-

ха.

— Спасибо, — сказал он тихо. Одно слово, которое он не произносил уже очень давно.

Никто не ответил. Только кошка, которая сидела на подоконнике, соскочила, подошла к столу и села рядом с ногой Саши. Он посмотрел на неё, потом на Серёгу.

— Она... не кусается? — спросил Саша.

Серёга усмехнулся.

— Она — единственное нормальное существо в этом доме.

Кошка мяукнула, словно подтверждая. И все на кухне, даже братья, даже уставший Макс, даже врач, который всё ещё переживал за дочь — все улыбнулись. Впервые за долгое время.

Глава 3. Экстрасенс с демоном.

Они уже ели добавку. И просили третью порцию. Но Николай Евгеньевич запретил.

— Нельзя, — сказал он спокойно, но твёрдо. — Ваш желудок уменьшился за время голодания. Если съедите слишком много — организм не справится. Начнётся рвота, спазмы, может, и хуже.

— Но есть же хочется, — сказал Костя, глядя на пустую тарелку с тоской.

— Знаю, — ответил врач. — Поэтому вы поедите ещё через два часа. Маленькую порцию. Организм должен привыкать заново.

Костя вздохнул, но спорить не стал. Саша молча опустил глаза. Серёга сидел напротив, откинувшись на спинку стула. Сигарета в зубах. Он посмотрел на братьев, потом на пустые тарелки, потом на всю компанию. Усмехнулся.

— Так, ладно. Это всё, конечно, интересно, — сказал он. — Но кто вы нахуй такие?

Костя поднял голову. Начал первый.

— Мы из Сочи. Жили здесь. Потом начался вирус. Пошли в зону эвакуации.

— Не дошли? — спросил Макс.

— Дошли, — ответил Костя. — Там всё началось. Зара-

жение, паника, стрельба. Мы убежали оттуда. Думали, пересидим в подвале.

Он помолчал.

— Пересидели так долго, что нас окружили. Неделью не могли выйти.

Аня сидела на стуле, поджав ноги. Она слушала внимательно, с лёгкой улыбкой на лице, но взгляд был серьёзным.

— Вам повезло, — сказала она. — Что эти придурки к вам пришли.

— Нам не повезло, — вдруг сказал Костя. — Я знал, что они придут.

Саша дёрнулся на стуле.

— Ну не начинай...

— В каком смысле знал? — перебил его Макс.

Костя поднял глаза. В них был тот самый свет — мутный, но уверенный.

— Мне Толик нашептал. Демонёнок мой.

Серёга замер с сигаретой у губ. Выдохнул дым и усмехнулся.

— Твою ж мать. Ты типа экстрасенс?

Костя пожал плечами.

— Возможно.

Макс наклонился вперёд.

— И что тебе ещё твой Толик шепчет?

Костя посмотрел на него. Потом перевёл взгляд на Серёгу. И вдруг сказал, почти спокойно:

— Вы из детдома.

Тишина повисла на кухне.

— Курсанты были, — продолжил Костя. — Родители умерли.

Он указал рукой на Серёгу.

— Сзади тебя стоит мать. Боится за тебя.

Серёга перестал улыбаться.

— Чего она боится?

— Не знаю, — ответил Костя. — Просто чувствую.

Серёга выдохнул. Медленно. Глубоко. Потом затянулся сигаретой и сказал тихо, почти без эмоций:

— Мать свою я в гробу видел. И больше не хочу о ней слушать. Бросила меня, а потом сдохла от передоза.

Он стряхнул пепел.

— А про Макса даже не начинай. У него отец мать зарубил. А сам в тюрьге от цирроза сдох.

Аня тихо присвистнула.

— Какие страсти у вас тут...

— А ты, Аня, — повернулся к ней Серёга, и голос его стал чуть жестче, но с той же улыбкой. — Ты уже в гробу лежала. По случайности выжила.

— Да ты Шерлок, — усмехнулась Аня и указала на шрам на ноге.

— Ребят, давайте закончим этот разговор, — вдруг вмешалась Вика. — Всем тяжело. Не надо...

Но Костя посмотрел на неё. И сказал, глядя прямо в глаза:

— А тебе недолго осталось.

Серёга вскочил. Стул упал назад с грохотом.

— Молчи, сука! — крикнул он. — Что ты несёшь?!

Он навис над столом, сжав кулаки, сигарета почти выпала из губ. Глаза горели — в них была ярость, боль и страх, смешанные в один дикий коктейль.

— Я жизнь за них отдам! Ты понял?! Молчи, тварь! Тебе спасли жизнь, а ты в гроб нас всех кладёшь!

Тишина. Только слышно было, как Костя дышит — ровно, спокойно, будто он не сказал ничего страшного. Саша сидел с опущенной головой. Вика отшатнулась. Макс встал, положил руку Серёге на плечо.

— Серёг...

Но тот не смотрел на него. Он смотрел на Костю. И в этом взгляде было что-то опасное.

— Ещё раз скажешь что-то про неё — я тебя убью, — сказал он тихо. — Не посмотрю, что ты только что из подвала.

Костя молчал. Серёга выдохнул, отодвинулся от стола, взял сигарету и вышел из кухни. На крыльцо. К морю. Макс посмотрел на братьев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.